

В заключении автор как бы перекидывает мост к классическому и эллинистическому периодам истории Родоса. Указывая на быстрое экономическое и политическое развитие Родоса в VIII—VI вв. до н. э., на его значительные торговые связи с Сицилией, Северной Африкой и побережьем Черного моря, автор переходит к причинам синойкизма трех крупнейших городов Родоса: Линда, Камира и Ялиса, который имел место в 408—407 гг. до н. э. Причины этого объединения усматриваются в стремлении к экономической и политической независимости.

Здесь К. М. Колобова неправильно утверждает, что знать в городах была связана с торговлей и колонизацией. Это неверно. Знать на Родосе, как и в других государствах Греции, в то время состояла из крупных землевладельцев, влияние которых падало в связи с возвышением ремесленно-торговых слоев. С торговлей и колонизацией была связана не родовая знать, а крупные торговцы и владельцы ремесленных мастерских. Эта новая нарождающаяся олигархия не только не была связана со старой знатью, но и выступала против нее. Процесс падения знати и возвышение ремесленно-торговых слоев происходил в конце VI—начале V в. до н. э. во всей Греции и едва ли мог миновать Родос. Поэтому неверно считать, что родосская знать была связана с торговлей и колонизацией.

В общем и целом следует сказать, что, несмотря на большую осведомленность в фактах по истории Родоса и хорошее знакомство с литературой, все-таки подлинной истории раннего Родоса у К. М. Колобовой не получилось. Наиболее важные основные вопросы истории Родоса ею даже не поставлены. Не освещены в книге экономика Родоса. Нет серьезной характеристики политического строя, социального состава родосского общества и классовой борьбы. За исключением интересных, но не всегда правильных положений о греческой колонизации, все содержание ее книги весьма далеко от общей линии развития советской исторической науки за последние годы.

Ю. Крушкoл

С. Л. УТЧЕНКО, Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики (Из истории политических идей I в. до н. э.), М., Изд. АН СССР, 1952, 300 стр., тираж 4000 экз., цена 13 руб. 45 коп.

Переход от республики к принципату, зарождение императорской власти — этот великий переворот в истории древнего Рима — давно привлекал внимание и советских ученых¹ и зарубежных буржуазных исследователей. За последние двадцать лет в буржуазной историографии появилось большое количество работ, посвященных правлению Октавиана Августа. Достаточно назвать работы: Hammond, Winspear, Homo, Gagé, Cesarano, Varini, Buchan, Allen, Syme, Foster, Ehrenberg и др. К ним примыкают и работы Ростовцева. Такой интерес буржуазных историков к деятельности Августа понятен. Этот интерес отражает мечты буржуазии о сильной власти и мировом господстве; поэтому Август и поднимается на щит, как император, осуществивший это мировое господство. При такой идеализации Августа его власть рисуется как «надклассовая»; буржуазная наука не может вскрыть классовых корней его власти и при этом часто прибегает к вопиющей модернизации античности. Такие тенденции буржуазной науки требуют от советских историков, вооруженных марксистско-ленинской методологией, еще более глубокого изучения закономерности становления принципата и сущности власти Августа, не только с социально-политической стороны, но и с тесно связанной с ней стороны идеологической. Каковы были идеологические предпосылки принципата? Какова была идейно-политическая борьба в Риме, подготовившая идеологические основы принципата? Эта проблема еще очень мало затрагивалась в советской и буржуазной науке. Дать глубокий марксистский анализ

¹ Особенно см. книгу проф. Н. А. Машкина «Принципат Августа», М.—Л., 1949.

этой идеологической борьбы — вот та весьма благодарная и важная задача, которую поставил перед собой автор рецензируемой работы.

Книга С. Л. Утченко открывается предисловием и затем разбивается на три раздела. Раздел I состоит из трех глав: 1) *πόλις* и *civitas*; 2) Основные тенденции социально-политической борьбы в римском обществе II—I вв. до н. э.; 3) Идеологическая жизнь римского общества II—I вв. до н. э. Раздел II тоже состоит из трех глав: 1) Социально-политическая утопия I в. до н. э.; 2) Теория упадка правов и ее политическое значение; 3) Развитие политических воззрений Саллюстия. Раздел III включает в себя три главы и заключение: 1) Учение о смешанной форме государственного устройства и его классовая сущность; 2) «Идеальный гражданин» и *officia amicitiae*; 3) Цицерон и идеологическая подготовка принципата. В обширном «Приложении» дан русский перевод двух писем Саллюстия «к Цезарю-старцу» о государственных делах и переписки Цицерона с Гаем Матием. Затем следует «Список сокращений», «Указатель именной и предметный», «Указатель латинских и греческих терминов» и «Источники, указанные в тексте книги». Таково содержание интересной книги С. Л. Утченко. Нужно заметить, что отдельные главы книги уже публиковались в печати; главы о политических воззрениях Саллюстия и об учении Цицерона о смешанной форме государственного устройства (в сокращенном виде) печатались в ВДИ (1949, № 3 и 1950, № 1) и в «Известиях АН СССР, серия истории и философии» (1948, № 2).

Мы специально остановились на вопросе о структуре работы С. Л. Утченко, так как из нее видно, что наиболее общие, принципиальные положения развиваются автором в главах первого раздела, а политические воззрения Саллюстия и Цицерона, специальному анализу которых посвящены остальные разделы книги, призваны лишь служить конкретной иллюстрацией к выводам автора относительно основных тенденций политической борьбы и идеологической жизни римского общества I в. до н. э.

В первом разделе автор ставит ряд проблем, имеющих принципиально важное значение: отличие греческого полиса от римской *civitas*, классовая структура античного общества, генезис принципата и т. д. Однако не все эти вопросы получают равное решение.

Так, например, говоря о различии между *πόλις* и *civitas*, автор делает небольшой экскурс, посвященный выяснению проблемы становления и развития греческого полиса. Он указывает на то, что греческие города-государства возникают в VIII—VI вв. до н. э., и подчеркивает наличие двух путей их возникновения: на территории бывших поселений родовой знати или на еще необжитой территории (как правило, в прибрежной полосе). Главным выводом автора является утверждение о том, что основным фактором формирования греческих городов-государств был процесс образования классов, т. е. раскол общества на враждебные классы.

Процесс становления и развития греческого полиса в основных его чертах прослежен С. Л. Утченко, несомненно, правильно, но тем не менее мы должны сделать автору упрек, состоящий в том, что он не дает развернутого определения социальной природы полиса¹. Определяя природу полиса, автор неизбежно должен был коснуться вопроса о характере и формах античной собственности, вопроса, совершенно не затронутого в работе С. Л. Утченко. Осветить эти вопросы тем более необходимо, что, как известно, К. Маркс в своем труде «Формы, предшествующие капиталистическому производству» уже дал принципиальное решение всех этих проблем. Без развернутого определения классовой природы полиса вопрос о различиях между *πόλις* и *civitas*, на наш взгляд, не может быть решен полностью.

Гораздо основательнее исследует С. Л. Утченко вопрос о генезисе принципата, хотя анализирует его не в полном объеме, но главным образом в плане идеологической подготовки принципата.

¹ Вопрос об экономическом базисе и формах собственности теперь приобретает особое значение в свете работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

Сам С. Л. Утченко неоднократно заявляет, что он не ставил себе задачи решить вопрос во всем его объеме: «Проблема падения Римской республики и утверждения принципата, взятая хотя бы только в идеологическом аспекте, настолько грандиозна, что предлагаемое исследование нужно рассматривать лишь как попытку подойти к изучаемой проблеме» — пишет автор в предисловии (стр. 5) и продолжает в заключении: «Проблема принципата во всем ее многообразии настолько грандиозна, что она не может быть исследована „попутно“, но должна явиться самостоятельным объектом изучения. Данная работа имеет несравненно более скромную задачу: на основе анализа идеологических явлений определить, какие политические идеи и лозунги расчистили дорогу новой форме политической власти и сделали ее приемлемой для классового сознания господствующих слоев римского рабовладельческого общества» (стр. 236).

Для того, чтобы понять характер идеологической борьбы в Риме конца республики, С. Л. Утченко сначала показывает разницу в развитии греческого и римского общества и политической борьбы в Греции и в Риме, рассматривает вопрос о влиянии Греции на римскую культуру и затем переходит к анализу идеологической борьбы в Риме во второй половине II в. до н. э. Это вполне целесообразно. Эпоха после третьей Пунической войны была, как известно, поворотным пунктом в римской истории: это было время возникновения социально-экономических условий, которые подготовили переход от республики к принципату, время, когда государство стало выходить за политические рамки полиса, — время кризиса традиционной морали. Автор анализирует социальную базу движения Гракхов и показывает, что под влиянием греческой политической публицистики это движение носило эллинистическую окраску: 1) Гай Гракх опирался на «демос» в греческом смысле этого слова, не только на сельский и городской плебс, но и на «всадников», интересы которых в действительности были далеки от интересов плебейских масс; 2) движение Гракхов представляло собой «партийную» борьбу, к которой привела Гракхов «внутренняя логика классовая борьба в Риме», но в которой сказались и «эллинистическая окраска». Эта демократическая «партийная» тенденция сталкивалась с аристократической консервативной тенденцией, опиравшейся на «обычай предков» (*mos maiorum*), пропагандировавшей «согласие сословий» (*concordia ordinum*) и отрицательно относившейся к «партийности». Эта тенденция вела свое начало от Катона Старшего, родоначальника теории «упадка нравов», и ярко выразилась во всей политике Августа. Представителем демократической линии явился Саллюстий. Автор на детальном анализе его двух писем к Цезарю хорошо показывает развитие демократизма Саллюстия, как эволюцию идеологии промежуточных слоев, к которым принадлежал Саллюстий. От республиканского консервативного идеала старинного полиса с его равновесием сената и народа Саллюстий приближается к демократическому лозунгу — за народ, который должен властвовать, а не быть рабом. В своем исследовании С. Л. Утченко, в отличие от буржуазных ученых, тонко вскрывает противоречие деятельности Цезаря и идеалов Саллюстия, который все сильнее нападает на роскошь и силу денег. Отсюда у Саллюстия вытекает теория упадка нравов с ее эллинистической окраской и резкая критика пороков нобилитета в «Заговоре Катилины» и в «Югурте» (речи Меммия и Марция). Выразителем аристократической линии выступил Цицерон с его якобы «надклассовыми» лозунгами «согласия сословий» (*concordia ordinum*) и «единомыслия всех благонамеренных» (*consensus bonorum omnium*). Автор анализирует политические взгляды Цицерона, разбирает его трактат «О государстве», его учение о «смешанной форме» государственного устройства. С. Л. Утченко присоединяется к тем исследователям, которые в *rector*'е Цицерона видят не монарха, а идеального республиканского деятеля, наделенного чертами *vir bonus*. Это понятие «благонамеренного гражданина» С. Л. Утченко раскрывает на материале трактатов «De officiis» и «De amicitia», а также переписки Цицерона и Матия. Эта переписка в понимании дружбы снова выражает столкновение двух различных идеологий: «Питательной средой воззрений Матия (представление о «чистой дружбе» — Н. Д.) был эллинистический мир с характерным для него индивидуализмом, сформировав-

шимся на базе разложения полиса, а той идеологической сферой, которая породила цicerоново толкование *officia amicitiae* («свободу родины надо ставить выше дружбы» — Н. Д.), была в большинстве своем консервативно настроенная римская аристократия II — I вв.» (стр. 211).

Демократическая тенденция Гракхов и Саллюстия проявилась в деятельности «великих трибунов»: Аппулея Сатурнина, Марка Ливия Друза, а затем в деятельности Сервилия Рулла, в движении Катилины, в деятельности Цезаря до его диктатуры и в отдельных вспышках даже при Августе. Но в общем эта тенденция приходит в упадок; наоборот, антидемократическая тенденция Цицерона усиливается и делается основой идеологии принципата.

Такова концепция автора, основные ее линии можно признать вполне доказанными. Приходится только пожалеть, что автор не анализирует идеологии Сципионовского «кружка». Как теперь выяснено¹, этот кружок по своим взглядам занимал среднее место между нобилитетом и демократией, старался соединять традиционную мораль с греческой философией, пропагандировал идеал *humanitas*. Такого же взгляда держался Луцилий. Из отдельных вопросов и проблем выдвигается прежде всего важная проблема взаимоотношения греческой и римской культуры. С. Л. Утченко правильно полемизирует с буржуазными учеными, которые «...хотят любой ценой доказать „кровное родство“ и „духовную близость“ этих двух народностей» (стр. 7). Автор противопоставляет этим идеалистическим выводам единственно научное марксистское определение родства греческого и римского общества, заключающегося в наличии одного и того же рабовладельческого способа производства. В дальнейшем, определяя отличие римского социального развития от греческого, автор исходит из оценки классовой структуры античного общества. Он делит рабовладельческое общество на свободных и рабов; свободное население в свою очередь распадалось на два класса: класс крупных землевладельцев-рабовладельцев и класс мелких производителей — крестьян и ремесленников (стр. 12). В примечании поясняется, что эти последние «могли спорадически и, конечно, в весьма ограниченных масштабах эксплуатировать труд рабов», но что «отсюда вовсе не вытекает, что их следует считать рабовладельцами... наиболее зажиточные из них превращались в рабовладельцев, но большинство разорялось и становилось в примитивных рабовладельческих обществах рабами, в наиболее развитых — люмпенпролетариями». Здесь, конечно, следует считаться с разными этапами развития античного общества, но все равно, если мелкие производители фактически и не имели рабов, все же у них была психология рабовладельцев; они все же оставались рабовладельцами в потенции, — иначе получался в производственном отношении как бы три основных класса: свободные рабовладельцы, свободные нерабовладельцы и рабы (?). Впрочем, сам автор признал дискуссионность этого вопроса, перепечатав в дискуссионном порядке часть этой главы во ВДИ (1951, № 4).

В связи с этим следует отметить поднятый автором вопрос о греческом культурном влиянии на Рим. Автор вполне основательно критикует работу С. И. Протасовой², которая «даже и не пытается объяснить, какие именно социально-экономические условия в самой Римской республике сделали возможным факт подобных влияний» (стр. 37 — разумеется «эллинистическая окраска» движения Гракхов). Далее следует отметить, что С. Л. Утченко настойчиво подчеркивает трудности внедрения эллинистической культуры в римское общество. Буржуазная наука рисует этот процесс в мирных и идиллических тонах; между тем «этот процесс представляет собой острую и напряженную борьбу, отражавшую сложные, противоречивые, а иногда даже прямо враждебные социально-политические взаимоотношения эпохи». Иными словами, в отличие от подхода буржуазных ученых, греческое влияние в Риме следует рассматривать в связи с классовой борьбой. Эти мысли не новы, но их не мешает повторить;

¹ См. диссертацию моего ученика М. Н. Чернявского «Сатура Гая Луцилия и ее традиция в истории жанра римской сатуры», МГУ, М., 1952.

² С. И. Протасова, Борьба общественных идеалов в Риме в эпоху Гракхов, «Из далекого и близкого прошлого», 1923.

без этого мы не поймем и развития римской литературы¹. Следует добавить, что, если не считать оппозиции Катона Старшего, греческое влияние шло по аристократическому руслу; демократическая линия (в литературе линия Невия и Плавта) была более самобытной и сопротивлялась греческому влиянию. С. Л. Утченко хорошо далее подчеркивает устойчивость в Риме традиции, сохранение «обычая предков» (*mos maiorum*) и верно утверждает, что «эллинистическая культура распространилась в Риме и была „принята“ обществом лишь тогда, когда она была преодолена как нечто чуждое, когда она была оплодотворена римскими самобытными силами, когда она стала народным достоянием» (стр. 69).

К греческому влиянию мы еще вернемся в дальнейшем, а сейчас остановимся на некоторых дополнительных моментах. Необходимо отметить тонкий, новый анализ политических воззрений Саллюстия; в книге дается детальный разбор писем Саллюстия к Цезарю (чем, кстати сказать, еще раз подчеркивается их подлинность), вскрывается классовая сущность картины упадка правов в «Заговоре Катилины»; абстрактная фразеология в этой картине не свидетельствует об аполитичности Саллюстия и об его «надпартийных» позициях, как заключают буржуазные ученые, а направлена против развращенности нобилитета (стр. 123 сл.). Даже прерывающий характеристику Катилины экскурс о том, как государство из прекраснейшего превратилось в самое худшее и порочное, показывает разложение того же нобилитета — той среды, из которой вышел Катилина (стр. 122). То, что Саллюстий являлся идеологом промежуточной прослойки, противником нобилитета и деклассированных низов (*vulgus* — стр. 91), известно было и раньше, но автор, в противоположность буржуазным историкам (Моммзену, Эд. Шварцу и др.), рассматривает политические воззрения Саллюстия не стабильно, а в их развитии; сравнивая письма к Цезарю и дальнейшие сочинения Саллюстия, С. Л. Утченко приходит к выводу, что демократизм Саллюстия усилился, что он пришел к необходимости полного суверенитета народа² (стр. 151).

Переходя к Цицерону, автор подверг новому глубокому анализу трактат «О государстве» в связи с политическими воззрениями Цицерона. Говоря об идеологии Цицерона, отмечая его переход от оппозиции оптиматам на сторону нобилитета — к блоку «всадников» с сенатом, С. Л. Утченко ограничивается ссылкой на учебник И. М. Троицкого (стр. 178); между тем здесь нужно было бы об этом сказать подробнее, выяснив причины перемены политической позиции Цицерона, как представителя «всадников». Далее в книге дается анализ некоторых политических терминов, особенно «amicitia», для чего используется переписка Цицерона с Матием. Изучение терминологии теперь, в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания, его учения об основном словарном фонде и словарном составе языка, приобретает большое значение³; но, пожалуй, анализу термина «amicitia» уделяется слишком много страниц. Ведь раскрытие этого термина имеет мало значения для выяснения идеологической основы принципата. Что касается цицероновского лозунга «согласия сословий» (*concordia ordinum*), то его представителем был не только Цицерон. Этого лозунга придерживается Лукреций; он негодует на то, что несогласие граждан (*discordia*) породило ужасы войны (V, 1305—1307). Таков же аристократический идеал Луцилия; он ранее отразился в римской комедии у Плавта (в комедии *Aulularia*) и затем в «Георгиках» Вергилия, где он восхищается полным «единомыслием» у пчел (IV, 212). О *concordia* много говорит и Саллюстий (например, в «Письме к Цезарю», № 1, § 5; «Заговор Катилины», IX, 1).

Анализируя сочинение Цицерона «О государстве», С. Л. Утченко не мог обойти и вопроса о «монархизме» Цицерона. Солидаризируясь с проф. И. М. Троицким⁴ и проф.

¹ Ср., например, рецензию И. М. Нахова на учебник по римской литературе акад. М. М. Покровского, «Вестник МГУ», 1948, № 12.

² Понятно, в античном смысле этого слова.

³ См. мою статью «Основные проблемы в области классических языков в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания», ВДЦ, 1951, № 4, стр. 176.

⁴ См. его статью «Построение трактата Цицерона „О государстве“ и его полити-

П. А. Машкин¹, автор, вопреки мнению Ферреро, Эд. Мейера, Р. Ю. Виппера и др., доказывает, что цicerоновский *optimus civis — rector, moderator civitatis* не мыслится как монарх, а представляется Цицерону как временный республиканский реформатор, способный своей мудростью морально выправить, оздоровить государство: убежденный сторонник аристократической республики Цицерон не мог сделаться монархистом. С этим выводом можно согласиться. Однако какими чертами ни наделялся бы этот *rector* — пусть в условиях аристократической республики, — все же, значит, положение государства требовало какого-то мудрого управителя. Такого *rector*'а искал не только Цицерон, но и Саллюстий; во втором «Письме к Цезарю» он призывает Цезаря стать реформатором, восстановить Рим и «низвергнутую свободу» (§ 5 и 13)². И Август, как видно по апологетическому отчету, каким, являются его «Деяния» (RGDA), в сущности выставлял себя таким же мудрым *rector*'ом якобы восстановленной республики, а на самом деле был монархом, опирающимся на «военное господство»³. Действительно, у *rector*'а Цицерона много черт сходства с образом Августа, нарисованным в *Res gestae*. Он сохраняет основанное государство; он, как и Цезарь у Саллюстия («Письма», II, 13), «восстановитель свободы» (RGDA, I: *rem publicam in libertatem vindicavi*); в своей власти он опирается на свое «влияние» (*auctoritas*). De Republ., II, 9: (О Лпкурге, ср. RGDA, 34), он отличается справедливостью, благочестием (*iustitia, pietas*); он должен знать законы, соблюдать право (De Republ., V, 4; RGDA, 6: *curator legum*); он реформатор нравов, поборник *virtus* (De Republ., V, 7; RGDA, 6: *curator morum*); он *princeps* (как он называется во фрагменте, приводимом Августом), *parens populo*; (De Republ., V, 7; II, 26; RGDA, 35).

Таким образом, если к этому образу *rector*'а присоединить «общепатриотический» лозунг (*concordia ordinum*), легший в основу официальной идеологии принципата, то действительно можно согласиться с С. Л. Утченко, что объективно Цицерон оказался «невольным идеологическим предтечей» принципата. Продолжая сравнение *rector*'а и образа Августа в RGDA, приходится констатировать факт, который снова приведет нас к вопросу о греческом влиянии или, по крайней мере, к «эллинистической окраске». Цицерон в «De Republica» противопоставляет своего *rector*'а тирану, которого он конкретизирует в царе Тарквинии Гордом (II, 29); этот *rector* заботится о благе народа и действует, в противоположность тирану, так, «чтобы стыд не менее удерживал граждан от преступлений, чем страх» (V, 4, 7). Проблема власти сильно тревожила римских деятелей конца республики, при этом всегда имелась в виду антитеза тирана и «демократического» вождя, который мог действовать и в рамках аристократической республики. Эта антитеза проходит не только у Цицерона (ср. еще в De Republ., V, 26 сл.), но, как известно, и у Саллюстия, который в первом письме к Цезарю, подобно Сенеке в его трактате de Clementia, убеждал Цезаря не обращаться в тирана: «Жестокая власть скорее тягостна, чем продолжительна: ибо тот, кто внушает страх многим, тот и сам многих страшится... Наоборот, те, которые пользуются властью умеренно и милостиво, для тех жизнь счастлива и радостна» (§ 33). Антитеза «популярного» вождя и тирана отражена в образах «Энеиды» Вергилия⁴. Таким демократическим вождем, гуманным *rector*'ом хотел казаться и Август. Так на щите,

ческие тенденции». Доклады и сообщения филологического института ЛГУ, вып. I, 1949, стр. 180—184.

¹ «Принципат Августа», М.—Л., 1949, стр. 50 сл.

² Носителем монархических тенденций некоторые считают уже Публия Корнелия Сципиона Африканского Старшего. См. диссертацию М. Ф. Тупикова (защитенную в Академии общественных наук) «Публий Корнелий Сципион Африканский Старший как первый носитель монархических тенденций в истории древнего Рима» (машинопись).

³ См. об этом кандидатскую диссертацию В. В. Виноградова «„Деяния императора Августа“ как исторический источник о принципате Августа», М., 1947 (машинопись).

⁴ См. мою статью «Энеида и Август», ВДИ, 1946, № 4, стр. 66—75.

возложенном в его честь в курии Юлии, была надпись, где отмечались *virtus* (доблесть), *clementia* (гуманность), *iustitia* (справедливость), *pietas* (благочестие) Августа, — как раз все качества гуманного вождя (RGDA, 34). В RGDA (гл. 5—6) он подчеркивает конституционное происхождение своей власти; он не узурпатор и хвастается тем, что во время гражданских и внешних войн он, будучи победителем, пощадил всех граждан, просивших пощадить (*veniam petentibus*); «он предпочел сохранить и чужеземные народы, которых было безопасно пощадить» (RGDA, 3). Эта антитеза тирана и «популярного» вождя проводится в речах Мецената, Агриппы и самого Августа у Диона Кассия, но все же она не чисто римского происхождения, а наблюдается во всей греческой философско-политической литературе (Платон, Эврипид, Аристофан, Исократ, Аристотель). Конечно, здесь не может быть речи о прямом заимствовании из Греции, так как проблема формы власти возникла в Риме в I в. под влиянием кризиса республики независимо от Греции, где эта проблема обострилась в IV в. до н. э., но все же эти образы тирана и популярного вождя носили эллинистическую окраску. С этим согласуется и то, что, как теперь выяснено, RGDA по их жанру нельзя отделять от эллинистических «Деяний» (*πράξεις*) и «Царских речей» (*βασιλικὸὶ λόγοι*).

Точно так же «общепатриотический» лозунг (*concordia ordinum*) и опора на «обычай предков» (*mos maiorum*), и эти идеологические моменты, составившие впоследствии основу официальной идеологии Августа, по происхождению не только римские. Они были популярны в греческой философско-политической литературе. «Общее согласие» — это греческая *ὁμόνοια*, идущая от софиста Антифонта и воспринятая стоиками; *mos maiorum* — это *πάτριος πολιτεία* — лозунг, популярный в Греции V—IV вв. до нашей эры.

В итоге можно сказать, что, хотя в рецензируемой книге не все совершенно ново, но автор умеет оживить и научно углубить даже известные положения, а это, вместе с его новыми интересными выводами, создает стройную концепцию, которая показывает нити, связывающие идеологическую борьбу конца республики с основами идеологии принципата. Как мы отмечали и как не раз указывает сам автор, он не ставил себе задачей исследовать проблему во всем объеме, но от этого работа несколько не проигрывает: она ставит проблемы, будит мысль и толкает на дальнейшие исследования на основе более широкого материала (например, Луцилия, речей и писем Цицерона, истории Тита Ливия). Аргументация ведется автором очень тонко, осторожно. Это подлинно марксистская работа, заостренная против идеалистических концепций буржуазных ученых. Всюду вскрывается классовая сущность явлений и их причины. К этому надо добавить, что книга написана ясным языком. Книгу С. Л. Утченко с интересом прочтет не только специалист, но и всякий советский читатель, интересующийся историей.

Н. Ф. Дергачи

К ВОПРОСУ О ВНУТРЕННЕЙ ТОРГОВЛЕ ПРИКУБАНЬЯ С ФАНАГОРИЕЙ

Исследование античных колоний Юга СССР в настоящее время немаловажно без изучения истории и культуры местных племен, их взаимоотношений с греческими колониями, их участия в экономической и политической жизни боспорских и других античных городов. Одному из этих вопросов, а именно выяснению экономических связей Азиатского Боспора с синдо-меотскими племенами Прикубанья, посвящена статья И. Б. Зеест «К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией» в МИА, XIX¹. Автором используется одна из категорий археологических памятников —

¹ В следующем номере будет помещена развернутая рецензия на весь XIX том МИА.

остродонные амфоры, причем привлекается материал только из двух древних центров Прикубанья — Семибратнего и Елизаветинского городищ. Это несколько ограничивает возможности автора и не дает полной картины существовавших торговых связей Боспора с меотскими племенами.

В начале статьи дается краткая характеристика Фанагории как основного центра по торговле с местными племенами, куда, по свидетельству Страбона, «привозились товары» и откуда преимущественно импортные товары и различные ремесленные изделия направлялись в местные центры Прикубанья» (стр. 107). Одним из таких центров являлось городище ст. Елизаветинской¹, которому в статье уделено основное внимание. Это вполне правомерно, так как Елизаветинское городище выделяется из основной массы меото-сарматских городищ значительным содержанием античного материала. Городище это, являясь в основе меотским поселением, в эпоху эллинизма служило для Боспора основным опорным пунктом, наиболее восточным форпостом среди меотских племен.

Автор довольно подробно останавливается на описании найденного на городище и в могильнике материала, уделяя основное внимание находкам остродонных амфор. Последние сравнительно часто встречаются в инвентаре могил. И. Б. Зеест определяет основные группы амфор, найденных в Елизаветинской, и приходит к выводу, что в эллинистическое время основной импорт шел из Синопы и Родоса. Но преобладающим материалом на городище являются не привозные предметы, а местная сероглиняная керамика, «отличающаяся прекрасной выделкой, свидетельствующей о высоком уровне местного гончарного производства». Последнее подтверждается и наличием керамических обжигательных печей. Автор считает, что на Елизаветинском городище выделялись не только простая посуда, но и местные остродонные амфоры и черепица². В заключении дается сопоставление амфорных находок с аналогичным материалом самой Фанагории и Семибратнего городища, находящегося в низовьях р. Кубани, что позволяет автору прийти к известным выводам как о торговых связях Фанагории с Прикубаньем, так и о внутренней торговле между прикубанскими центрами — Семибратним и Елизаветинским городищами.

Материалы статьи представляют значительный интерес как для изучения экономики Азиатского Боспора, так и для выяснения вопроса о роли торговых центров, возникших в глубине страны. Вместе с тем в статье имеются весьма спорные положения, приводящие автора к неправильным выводам. Анализируя типы амфор, найденных на Елизаветинском городище, автор выделяет тип местной «елизаветинской» амфоры. Основанием для этого является найденная в 1946 г. ножка амфоры, носящая следы керамического брака. Ножка эта несколько деформирована и благодаря неравномерному обжигу имеет серо-коричневую окраску. Фрагменты аналогичных амфор были найдены на городище, и одна амфора встречена в могильнике (погребение № 14 1935 г.). Глина этих амфор красная без примесей. Утверждение автора, что данные амфоры «бесспорно являются продуктом местного производства» (стр. 102), не убедительно. находка только одной несколько бракованной ножки амфоры не может еще являться доказательством местного ее производства. Амфоры с незначительным браком (вмятины и т. д.) неоднократно находились в местах, не связанных с местом их изготовления. Ссылка на то, что данный тип амфор, имея слишком тонкие стенки, представляет хрупкий сосуд, не приспособленный для транспортировки, также не доказывает местного ее производства. Так, например, у синопских амфор, широко распространенных в Северном Причерноморье, толщина стенок такая же, как и у вышеописанного типа амфор из Елизаветинского городища. Наконец, для наименова-

¹ Автор на протяжении всей статьи неправильно называет ее Елизаветинской.

² Никаких данных о местном производстве черепицы автором не приводится. Единственным основанием для такого утверждения послужило то, что найденные фрагменты черепиц «не являются продуктом боспорских царских мастерских, но выполнены по их образцам в другой глине». Совершенно очевидно, что это не может являться доказательством их местного производства.